№ 9 (22). Суббота, 27. 1. 1945 г.

„Wolja Naroda“ („Der Volkswille“)

ВОЛЯ НАРОДА

Цена: 20 пф.
Preis: 20 Pfg.
Год издания I-й
1. Jahrgang

ОРГАН КОМИТЕТА ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ

ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В НЕДЕЛЮ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Berlin C 2,
Magazinstraße 15-16.

Несгибаемая воля

За годы настоящей войны наш народ по обе стороны фронта прошел суровую школу испытаний и духовного закала. Миллионы наших соотечественников, живущие в настоящее время в Германии, имеют за своими плечами фронт, эвакуацию, плен. Дорогой ценой, страшным жизненным опытом купили мы право веры в светлое будущее своей Родины, независимой и свободной, призванной сбросить ярмо большевистского угнетения.

Не спасение жизни, не расчет на маленькое личное благополучие поддерживали нас все эти годы, вселяли в нас волю к борьбе. Все эти годы мы верили, что наши силы потребуются для нашего народа, для России. Неотвратимо приближается решающий час последних боев с большевизмом. Та энергия, которая бурлила в нас, часто не находя выхода, скоро, очень скоро, должна найти свое правильное приложение.

Нет ничего более недостойного, чем трусливая паника и растерянность перед атакующим большевизмом. Каждый честный человек, истинный патриот своей Родины, должен твердо помнить, что не мы должны бояться большевиков и искать от них спасения, а большевики должны трепетать нашего справедливого и великого гнева за все, ими содеянное. Мы — русские, украинцы, белорусы, представители всех других народов России, находимся сейчас в зарубежье для того, чтобы в решающий момент предъявить грозный счет сталинской тирании. Это мы — должны и будем атаковать большевистские позиции.

Именно под этим углом зрения каждый должен оценивать свое сегодняшнее положение и поведение в грозные часы решительных боев. Первое, что требуется от нас сегодня — это полное спокойствие, совершенная невосприимчивость к вражеской пропаганде и провокации.

Сегодня все мы остаемся еще на тех постах, на какие нас поставило военное время. Солдат РОА, рабочий на заводе сегодня продолжают делать то, что они делали вчера.

Ни солдат РОА, ни рабочий, занятый на заводе или в сельском хозяйстве, не одиноки. Нас здесь миллионы. Подавляющее большинство из нас объединено явным неприятием большевизма и верой в те светлые народные идеалы, которые нашли свое выражение в Пражском Манифесте. Большинство из нас, несмотря на все перенесенные испытания, сохранило здоровье, веру в себя и в народ свой. Никто не может рассчитывать на пощаду, если большевики захватят его врасплох, в одиночку. Только вместе, как единый монолитный и революционный коллектив, сможем мы дать достойный отпор большевистским изуверам. Только, проведя отчаянные бои с большевизмом, мы докажем всем народам России свою правоту и самоотвержение.

В истории нашей Родины и до и после 1917 года не было еще случая, чтобы миллионы ее сынов и дочерей оказались в зарубежье, как непримиримые враги существующей государственной власти. Достаточно отчетливо осознать этот факт, чтобы понять, какую опасность представляем мы для большевизма, какой и духовной и физической силой обладаем для борьбы с ним. И именно потому, что большевики это отчетливо представляют, именно потому, что они смотрят на всех нас, как на людей, для Сталина «пропащих», они нам ничего не забудут и не простят. Но мы и не просим пощады у палачей России. Мы сами не собираемся ничего забыть и ни с чем примириться.

При всех условиях, как бы ни развернулись события, наши соотечественники по эту сторону фронта будут держаться вместе, будут объединены платформой Пражского Манифеста и делом, неразрывно связанным с именем генерала Власова.

Подлинные враги народа — Сталин и его клика!

Когда приходят „освободители“...

Борьба против большевизма — смысл жизни

Когда приходят „свои“

С первого шага наступления советских войск пропаганда не перестает вещать о «братской встрече с освобожденными поляками». Помните, эти надрывные очерки фронтовых корреспондентов о «весне в январе»?! Они набили оскомину и прежде, в прошлые «освободительные» походы.

Два дня назад один из советских корреспондентов передал по радио репортаж о ликовании освобожденного лицманштадтского гетто.

Но ни разу, ни единым словом никто не обмолвился о русских, украинских и белорусских рабочих. Ни единого звука за все дни наступления!

Миллионы наших соотечественников сброшены большевиками со счетов. О них еще помнили, когда накручивали фильм о «фашистском» рабстве; когда рисовали плакаты о «невольницах» — сестрах и женах.

Миллионы наших близких сброшены со счетов. Молчит о них пропаганда. Кричат о ненависти армейские политработники. Расправляются с ними в Круппа-Мюле. Везут эшелонами в Сибирь.

Казачий отряд на восточном фронте

„Контрабандисты“

Больше двух лет они прожили за колючей проволокой в маленьком городке Восточной Пруссии. Работали на фабрике, рыли осушительные канавы на болотах. Их было 200 военнопленных, с желтыми «SU» на старых, зеленых куртках.

Большинство из них — «контрабандисты» — люди, которых заживо похоронил Сталин в одном из окружений 1942 года...

Война ворвалась в городок неожиданно. Едва успели эвакуировать детей и женщин. Охране лагеря пришлось драться на городских улицах с советскими отрядами. Пленные остались за проволокой, одни, без всякой охраны. «Свои» были в нескольких километрах от лагеря.

Тогда, почти единодушно, дружным отрядом, вооружившись чем попало, пленные решили уходить на запад. От «своих», от желанного мига освобождения. Потому, что хорошо знали: за первым эшелоном всегда следует второй. За подвигом красноармейца — преступление чекиста.

Борьба — до последней черты

Об этом можно написать целую книгу и можно рассказать в нескольких словах.

В боях на восточном фронте казачий добровольческий отряд оказался в глубоком тылу советских войск.

Две недели, с беспрестанными боями, выходили казаки из окружения.

Несколько сот километров пробирались они по тылам противника. Пять дней вели жестокие уличные бои в городе, расположенном далеко за линией фронта.

Захватили у неприятеля боеприпасы и продовольствие, и снова по лесам и бездорожью пробирались на запад, к линии фронта. И вышли из окружения.

Впереди снова борьба. Но ничто не сломит казачьей воли. Дороги назад нет. Большевизм — хуже смерти.

По-старому жить нельзя

Вместе с сотнями тысяч других горожан девушка-врач, волею событий, осталась в занятом Киеве. Она не работала в немецких учреждениях и, как могла, помогала больным и раненым красноармейцам.

За долгие месяцы жизни в занятом городе она многое видела и над многим размышляла. Глотнула другого воздуха и по-новому взглянула на прошлое.

Но, когда фронт вновь подошел к Киеву и началась эвакуация, Елена К. ушла в лес и стала ждать Красную армию. Жизнь без Родины казалась немыслимой.

После первых хмельных дней встречи, жизнь повернула в прежнее русло. Сосед — написал донос на соседа, чтобы спасти свою жизнь. За первым доносом — другие и, нарастая, как снежный ком, навалилось прежнее.

Возле Ботанического сада появилась первая виселица. Тело старого человека медленно раскачивалось под деревом, присыпанное первым снегопадом. Русский — повесил русского. На устрашение живым.

А затем, из уст в уста, раскатились по городу имена бесследно исчезавших друзей, знакомых, близких...

Старое придавило немыслимой тяжестью и погнало прочь от этой лжи, обмана, насилия. Елена К. прошла сотни километров с фронтом и стала работать в одной из больниц Лицманштадта.

И вновь, в третий раз, встал перед русской девушкой самый трудный и страшный вопрос — как быть?

Вновь наивные люди утешали друг друга легендами о переменах большевизма, о всепрощении Сталина.

Елена К. слишком хорошо помнила Киев. В тот час, когда в Лицманштадте начался бой, она ушла на запад. В непогоду, под разрывами снарядов, в неизвестность.

Жить по-старому больше нельзя. Елена К. пришла к той черте, когда люди берут в руки оружие, чтобы умереть стоя.

В венгерской деревне

Москвич

Он пришел в Комитет.

— Понимаете, рассказывать очень долго. 17-го октября 1941 г. я был в Москве. Первый раз за четверть века советской власти москвичи глотнули свежего воздуха. Это был необыкновенный день, и, конечно, память о нем будут вытравливать каленым железом. В те часы кремлевской паники москвичи, вдруг, перестали бояться призраков. То, о чем раньше не решались даже мыслить, они смело кричали во весь голос на перекрестках московских улиц. Той же ночью свобода захлебнулась в кровавых подвалах Лубянки, но память о ней навсегда осталась в стенах родного города. Напрасно ее хотят заглушить хлопаньем кремлевских пушек и бенгальских огней. С каким упоением проклинали тогда москвичи ненавистное имя! И затем, защищая родной город, москвичи никогда не могли позабыть волшебного лика промелькнувшей свободы... Нет, я не занимался здесь политической деятельностью. Я — «окруженец». Попал в плен в Полесьи. Работал на самой тяжелой работе, но разве это что-нибудь меняет?! Я слишком хорошо знаю большевизм. Ведь я же — «порченый»! Я видел другой мир, у меня «вывернутые» мозги. Их невозможно втиснуть обратно, в рамки четвертой главы «Краткого курса»! Вымаливать прощение на коленях, отрабатывать «грехи» в Архангельске?! Перед кем?! За какие «грехи»?! Когда моя страна была в опасности, я оставался пленным. Теперь моя очередь. Как жаль, что Сталин прячется за кремлевскими стенами. Но несколько пуль для его палачей — в моей власти. Скажите, где бы достать оружие?

Танковый штурм с востока

(Военное обозрение)

Особенный и, можно сказать, единственный в истории характер происходящей в восточной Германии и на ее границах гигантской битвы определяется в своей первой фазе тремя моментами. Во-первых, беспримерным массированием советских ударных сил. Если в первые дни советского наступления в нем участвовало около 155 дивизий, то в последующие дни, когда битва распространилась и на другие участки фронта, число атакующих советских дивизий возросло до 300. В сражение было брошено особенно много танковых соединений, которые часто образовывали массивные, бронетанковые клинья. В зимнее советское наступление были брошены все танки, выпущенные советскими заводами за последние полгода.

Во-вторых, уже из этого факта необыкновенного напряжения врага и массирования его огромных сил на ударных участках фронта вытекала необходимость выиграть время для сосредоточения в глубине обороняемого пространства значительных маневренных резервов.

Наступающий имеет вначале большие преимущества: он может выбирать направление удара, он может ложными маневрами и неожиданными изменениями в направлении ударов перемещать по своему усмотрению центр тяжести боя. Эти возможности дает наступающему высокая подвижность танковых соединений. Но это только вначале. А затем, после известного времени, начинается перелом. Пространство, в которое все более устремляется наступающий, начинает подтачивать его силы. Обороняющийся, используя выигрыш времени и глубину имеющегося в его распоряжении пространства, создает обстановку, с которой, в свою очередь, принужден считаться наступающий. С этого момента игра начинает выравниваться, силы танкового клина истощаться и части, входящие в состав ударного клина, начинают все более нуждаться в поддержке пехоты и артиллерии следующих за ними главных сил.

Таким образом, важнейшей целью германского командования должно быть использование указанных ниже трех моментов, влекущих за собой ослабление противника — выигрыш времени, использование пространства и собирание в оперативном тылу сил для ответного удара. В этих условиях неизбежна частичная уступка иногда очень значительной территории, которая всегда тяжело переживается войсками и народом.

Наконец, характер происходящей на востоке битвы определяется фактом нахождения в советском тылу сильной германской армии, которая продолжает там сражаться, разделяя вторгнувшиеся советские танковые соединения, и лишь медленно и после упорной борьбы уступая каждый шаг обороняемого пространства.

Таким образом, создалось два фронта: фронт советских танковых клиньев, быстро продвинувшийся вперед, и другой фронт — в тылу — медленно и постепенно отходящий на запад.

Громадное значение сопротивления германских войск в тылу советских танковых клиньев ясно: оно уничтожает или сильно затрудняет возможность быстрой поддержки главными силами советских армий своих танковых авангардов, то-есть ослабляет наступательную силу последних.

Верхне-Силезский театр войны

Театр войны, на котором развернулась битва на востоке, с самого начала разделился на два главных района: один — 500 километров по фронту — простирался от северной границы Словакии до Вислы. Другой — около 300 километров по фронту — тянулся от Вислы до Мемеля, охватывая Восточную Пруссию с юга, востока и северо-востока.

Удар советских войск против верхне-силезского промышленного района, нанесенный от Кракова и Ченстохова и сначала приведший к быстрому захвату территории, был, однако, подошедшими германскими резервами, среди которых находились многочисленные и отлично сражавшиеся батальоны «народного ополчения», задержан и в значительной части остановлен.

Между Вислой и Вартой

Между этим участком и районом юго-западнее Лицманштадта стояли соединившиеся после отхода от Вислы германские войска.

Далее на север, где проходит другое важное оперативное направление, советские войска большими силами вторглись между Вартой и Вислой в направлении на северо-восток и, достигнув сначала линии Вартбрюкен—Леслау и Калиш—Торн, повернули через Врешен и Гнезен на Позен. Их наступление на север было остановлено. Торн остался в немецких руках. В то время, как группа советских войск проникла глубоко на запад, крупные германские силы, находившиеся у Кельцов (железная дорога Краков—Радом), после 50 километров марша с непрерывными боями, соединились с германскими резервами, спешившими к ним на помощь с запада. Так формировался глубоко в тылу у советских танковых клиньев новый, объединенный оборонительный фронт, который впоследствии медленно отходил на запад. Вместе с тем сражение вступило в новую, важную для его будущего развития, фазу: советскому командованию не удалось своими танковыми клиньями зажать и уничтожить германские армии между Вислой и Пилицей. Они продолжают борьбу, образуют новые фронты и затрудняют движение советских главных сил.

Бои за Восточную Пруссию

В Восточной Пруссии противник наступает с востока и с юга. Наступавшие из треугольника Висла—Буг—Нарев советские части (более 50 дивизий с несколькими танковыми корпусами) вторглись между Шарфенвизе и Плоенен на территорию Восточной Пруссии и достигли Дейч—Эйлау—Алленштейн. Клин этот узкий, и его ширина не соответствовала глубине проникновения. Задачей советского командования являлось отрезать Восточную Пруссию от остальной Германии. Другое наступление велось с востока и северо-востока, в общем направлении на Инстербург—Кенигсберг. Здесь советское продвижение было медленным, так как наступление встречало упорное сопротивление германских дивизий, опиравшихся на глубоко эшелонированные и хорошо укрепленные позиции. Вместе на обоих фронтах Восточной Пруссии советское командование бросило в бой около 100 дивизий.

Общее положение

В первой фазе сражения общее положение характеризовалось медленными, но систематическими и все более усиливающимися контрмерами германского командования. В своем, заслуживающем особого внимания, обзоре происходящих военных событий генерал-лейтенант Дитмар подчеркнул именно медленность проводимых контрмер, доказывающих их большое значение и силу.

•

В Венгрии немцы продолжали удерживать инициативу в своих руках, прорвали советский фронт восточнее Платенского озера и на широком фронте подошли к Дунаю, к югу от Будапешта. Этот успех связывает значительные советские силы в Венгрии и облегчает положение южного крыла восточного фронта.

•

На западе противник продолжает проявлять сдержанность. В Эльзасе фронт американцев был прорван на участке шириной в 40 километров, что дало возможность освободить несколько сотен населенных пунктов.

В. Огнев

Денежные пожертвования, предназначенные для фонда „Народная Помощь“, следует направлять на текущий счет № 30—3960 Dresdener Bank.

Тяжелые советские потери

За 11 дней между Карпатами и Вислой уничтожено 1.356 танков противника ◆ Продвижение германских войск в Венгрии

НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

В большом сражении между Карпатами и Вислой германские части нанесли советским войскам тяжелые потери. На участке одной германской армейской группы, по еще неполным данным, с 12 по 23 января наземными частями, зенитной артиллерией и силами авиации уничтожено 1 356 советских танков.

В Верхней Силезии противник продолжал оказывать сильное давление на германские позиции. Все советские попытки прорвать германский фронт успеха не имели. Неприятельские атаки либо были отбиты, либо задержаны ожесточенно сражающимися немецкими подразделениями. Между силезскими городами Глейвиц и Бриг советские войска пытаются форсировать реку Одер. После тяжелых боев, неприятель овладел Оппельном. Попытки противника переправиться через реку, в общем, были разбиты немецкими контрударами. За отдельные съуженные предмостные укрепления продолжаются ожесточенные бои.

Со стороны юго-востока передовые советские клинья продвинулись дальше в направлении на Бреславль. Из числа 30-ти танков противника, форсировавших у Штейнау реку Одер, уничтожены 24 машины; неприятель здесь отброшен назад. Из района восточнее Сирадца крупным германским силам, находившимся в глубине поля сражения, с боями удалось пробиться к новым немецким линиям. В то время, как германские части удерживают города Позен и Торн, в Бромберге идут ожесточенные уличные бои. После того, как противнику в западной части Восточной Пруссии удалось продвинуться в северном и северо-восточном направлениях в районы южнее Эльбинга и Морунгена, советское командование старается расширить занятый участок территории на флангах. К востоку от места вклинения в эльбингском направлении германские части отошли на новые оборонительные позиции между Ортельсбургом, Летценом и Ангербургом.

По сообщению верховного командования от 24 января, в Курляндии, после сильной артиллерийской подготовки, противник перешел в наступление. Советские атаки разбились о стойкое сопротивление германских войск. За 48 часов уничтожено 153 танка противника.

Несмотря на переброску новых сил, атакующим советским дивизиям не удалось прорвать германского фронта.

На всем протяжении восточного фронта активную поддержку германским наземным войскам оказывает бомбардировочная авиация. Немецкими самолетами уничтожено много танков, орудий, автомашин и другого военного снаряжения.

НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

В Рурском предмостном укреплении идут бои за Гейнсберг. На фронте между Эльзенборном и рекой Зауэр американцы предпринимали сильные атаки, в общем разбитые огнем германской обороны. В Рурском предмостном укреплении до 24 января противник потерял 150 танков.

В ходе сильных атак с севера и запада американцы ворвались в развалины города Сан Вит. Между Рапортсвейлером и Гагенау германские войска продвинулись до участка Рот-Модер и очистили этот район от неприятельских сил. Продвигающиеся вперед германские подразделения уже прошли весь Гагенауский Лес.

Южнее Рейсгофена, в Эльзасе немецкие части создали предмостное укрепление на западном берегу реки Модер и отразили многочисленные англо-американские контрудары. Неприятельские части, продвинувшиеся на восточный берег реки Иль, отброшены назад.

В ВЕНГРИИ

Германские контроперации попрежнему проходят успешно. Между Веленцским озером и Дунаем атакующие германские части, преодолев сопротивление советской противотанковой артиллерии, прорвались в район участка Вали. Германские и венгерские войска с боями прошли западную часть Вертесских гор и освободили крупный промышленный район. Ночные советские атаки против защитников Будапешта не увенчались успехом.

НА ИТАЛЬЯНСКОМ ФРОНТЕ

Англо-американцы ограничились отдельными атаками на среднем и восточном участках. Все вылазки противника отбиты. Во время операций германских ударных частей взяты пленные и захвачена военная добыча.

Наши кадры

Грандиозная зимняя битва на восточном фронте заставляет нас еще и еще раз проверить свои ряды, взвесить те силы, которыми располагают народы России для борьбы против большевизма. На кого может рассчитывать наше Освободительное Движение по эту и по ту сторону фронта? Кто с нами, кто нейтрален и кто против нас?

Что касается большевистской пропаганды, то она умышленно молчит и о нашем движении и о Пражском Манифесте. Уже это одно обстоятельство показывает, что большевики, как огня, боятся динамитной взрывающей силы национальной идеологии, выкристаллизованной в чеканных пунктах Пражского Манифеста.

Большевики боятся той поддержки, которую могут оказать Освободительному Движению народы России, изнемогающие под властью сталинской диктатуры.

Там же, где большевики не могут молчать о нашем движении, например, среди частей Красной армии, они стремятся, во что бы то ни стало, скрыть правду, оболгать нас и нашу борьбу. Партийные пропагандисты уверяют красноармейцев, что за Власовым идут лишь те, кто лично обижен советской властью, раскулаченные и репрессированные. Но и Красная армия и советский тыл с каждым днем все больше узнает об Освободительном Движении, о вдохновляющих нас идеях. Манифест Комитета Освобождения Народов России с быстротой ветра распространяется вплоть до самых отдаленных районов нашей Родины. Таким образом, ни молчание большевиков о нашем деле ни трусливая ложь и клевета партийных агитаторов по нашему адресу не в состоянии устранить влияние Манифеста среди широких слоев советского населения. В результате мы можем вполне уверенно говорить о наших кадрах не только на территории Германии, но и в Красной армии и в советском тылу.

Однако, в первую очередь, следует остановиться на тех кадрах, которыми мы располагаем непосредственно здесь, вне пределов досягаемости НКВД. Эти кадры состоят из нескольких групп, отличающихся одна от другой и возрастом, и степенью политической закалки, и характером пережитого опыта. Здесь мы встретим давних, заклятых врагов большевизма боровшихся с ним еще в мирное время, прошедших тюрьмы, этапы, концлагери. Эти люди с первых дней войны сознательно стремились перейти линию фронта, чтобы сорганизоваться для новых атак сталинских твердынь. Эти люди теперь, как и прежде, непоколебимо убеждены в неизбежности конечной гибели реакционного сталинского режима на нашей Родине.

Другую группу составляют те из наших сограждан, кто в довоенное время относился к политическим вопросам сравнительно пассивно и, лишь попав на фронт и увидев всю меру большевистской подлости по отношению к Красной армии в 1941—42 годах, окончательно встал в ряды борцов против сталинской диктатуры. Многие из этих людей уже в плену, в долгие бессонные ночи переживая пройденный жизненный путь, пришли к твердому осознанию своего места в антибольшевистском стане.

Третью группу составляют наши соотечественники, не эвакуировавшиеся в свое время в советский тыл и оставшиеся жить на территории, занятой германской армией. Многие из них давно разгадали истинную реакционную сущность большевизма, однако, у них в мирное время не было ни организационных возможностей, ни идейной опоры для борьбы против большевизма. Только война, выбросившая их из привычных условий существования, зачастую лишившая близких и крова, дала им, в то же время, возможность организоваться для борьбы со сталинским режимом, указала пути этой борьбы и ее цели, сформулированные в Манифесте Освободительного Движения.

Четвертую группу составляет молодежь, попавшая на работу в Германию, и только здесь, подчас в очень тяжелых условиях, вынужденная заняться формулированием своих политических воззрений. Многие из этой молодежи находились прежде в плену навязанных им комсомольских представлений и были искренно убеждены, что большевики являются благодетелями народов России и спасителями всего человечества из ада капитализма. Однако, наглядно убедившись в ужасных для нашей Родины последствиях сталинской стратегии первых двух лет войны, увидев, как живут европейские рабочие и крестьяне, освободившись от ежедневной порции партийной пропаганды, эти юноши и девушки нашли в себе внутреннюю честность и смелость встать в ряды заклятых врагов каиновой сталинской власти.

Наконец, пятую группу составляет лучшая часть старой русской эмиграции, чуждая сословных предрассудков и претензий считать себя «солью земли», стремящаяся вновь слиться со всем своим многомиллионным народом в едином порыве освободительной борьбы против большевизма за счастье Родины. Среди представителей этой группы есть и старые и молодые, те, кто за годы германской оккупации побывал на Украине и в Белоруссии, и те, кто родился за рубежом и еще ни разу не ступал по родной земле. Все они находят свое место в рядах нашего Освободительного Движения, вдохновляясь его борьбой и его национальными идеями.

Таким образом, по эту сторону фронта мы имеем, по крайней мере, пять категорий людей всех национальностей, возрастов и профессий, которые логикой исторического развития приведены в единый лагерь борцов с большевизмом под национальными знаменами Освободительного Движения Народов России.

Миллионы наших соотечественников, оказавшихся, волей или неволей, временно в зарубежье, представляют плоть от плоти и кость от кости всего многонационального населения СССР. То обстоятельство, что большинство из них открыто встало на сторону Освободительного Движения, служит доказательством, что и наши братья и сестры по ту, советскую, сторону фронта также встретят нас в определенный момент, как родных, как своих вызволителей из сталинской кабалы. Давно не секрет, что в то время, как Красная армия рвется на запад, в советском тылу не прекращается повстанческая партизанская борьба с большевистской опричниной, прикрывающейся жертвами армии на фронте для палаческой расправы с населением в тылу. Эта война оставила на советской земле не только пепелища разрушенных сел и городов, не только миллионы вдов и сирот, но и миллионы новых врагов большевизма, пострадавших от него, как «остававшиеся при немцах», «штрафники», «дезертиры», «подозрительные» и т. д.

В настоящее время, когда определенная часть Красной армии и населения в тылу верит, что скорейшее окончание опостылевшей войны возможно в результате прорыва к Берлину, подобная вера временно спасает позиции большевистской власти. Расчет с большевизмом за все его преступления многие из наших соотечественников по ту сторону фронта собираются произвести после окончания внешней войны. Мы считаем, что они заблуждаются, и что на этом заблуждении спекулирует сталинская агентура. Однако, само это заблуждение симптоматично. Наши братья и жены не амнистируют большевиков и не хотят жить в том же сталинском ярме, как и до войны. Вопрос только в том, когда бороться с большевизмом.

В том случае, если Красная армия надолго застрянет где-то на границах Германии, вполне вероятен, больше того, закономерен новый перелом в ее настроении. Разочаровавшись в том, что войну можно решить одним гигантским рывком к сердцу Германии, советские люди увидят, что правильный путь для окончания внешней войны и свержения ненавистной сталинской власти им дает наше Освободительное Движение. Тогда сталинщина будет не удержаться на шее нашего героического и окровавленного народа...

Но и не делая прогнозов на будущее, можно утверждать, что положительное содержание Манифеста Освободительного Движения, отвечая потребностям народов России, оказывает непреодолимое для НКВД влияние на сознание масс. Наши идеи и наше дело революционизируют народы России, указывая им истинных виновников бедствий, начиная с 1917 года, указывают, вместе с тем, единственный правильный выход из тупика, куда их завлекает сталинская власть с ее красным империализмом и бредовыми теориями мировой революции.

Сталин, конечно учитывает опасность, угрожающую его власти, при всех условиях со стороны Освободительного Движения

От подвига к подлости

Кто не помнит кинофильма «Чапаев»? Сколько напора, удали и самопожертвования в героях этого фильма! Но есть там одна, совершенно особого значения, сцена. Это — сцена за митингом, когда какой-то мужичок спрашивает Чапаева: «А как ты, Василий Иванович, за большевиков, или за коммунистов?» Из ответа Чапаева выясняется, что он так же мало разбирается в большевиках и коммунистах, как и спрашивающие его крестьяне.

В этой сцене можно увидеть огромное значение образа Чапаева и воспламененного им движения. Чапаев потому привлекает нас в фильме, что он борется не за партию, а за народ; борется против угнетателей и захребетников народных. Но не случайно Чапаев сам находится под контролем большевистской власти. Когда надо, она приберет к рукам чапаевскую вольницу, и пусть сам герой погибает в Урале. Сделанное им и завоеванное будет использовано чужими людьми — большевиками.

Такова трагедия гражданской войны, отмеченной разнузданным зверством и яростью подвигов, преступлениями и исступленной святостью. Подвиги совершали и красные и белые. Героичен по-своему матрос Железняк, партизанивший под Херсоном и не желавший ничего для себя, а «чтобы все для народа». Но героичен и безусый студент или юнкер, выходивший один против десяти за славу Родины, за целость России. Оба погибли, и надрывом повис над кровавой степью страшный вопрос — «За что»?

А уже шагали по этой степи новые хозяева в кожаных куртках с партийными билетами в карманах новых галифе. И весь гнев народа против прежних угнетателей, весь порыв и жертвенный подвиг привели только к новой, во много раз худшей кабале, массовому красному террору, к злодейству. Так, на крови лучших вырос чертополох треклятой советчины. Подвиг стал пьедесталом для преступления.

В годы «мирного» строительства партийная власть попрежнему использовала талант и душевную щедрость народа для того, чтобы делать свое черное дело. Энтузиасты-геологи открывали новые месторождения, и миллионы заключенных погибали на разработках этих месторождений. Наши ученые, по суткам не выходя из лабораторий, совершали открытия, могущие прославить национальную науку, а безграмотные, бездарные «стахановцы» обрабатывали эти открытия таким образом, чтобы подкрепить ими ложь марксистских теорий. Энтузиасты-рабочие повышали производительность труда, а результатами их усилий оказывалось новое закабаление трудящихся сталинщиной.

Большевистская власть в основе своей совершенно бездарна. Она не продержалась бы ни одного месяца, ни одного дня, если бы не использовала таланта и жертвенности нашего народа. Так было во все годы большевистской диктатуры в России. Так было и есть во время настоящей войны.

Потоками крови и неисчислимыми жертвами заплатил наш народ за бездарность большевистского правительства, дипломатии и всех этих Буденных, Ворошиловых и Тимошенко. Только после того, как к руководству Красной армии Сталин, волей-неволей, был вынужден допустить новых людей, бегство на восток сменилось продвижением на запад. Каждый шаг, каждый успех Красной армии стоил все новых и новых жертв. Только предельная беззаветность народа дала возможность большевикам спасаться до сих пор от разгрома. Но чем больше подвигов совершал народ, тем большим становилось число преступлений его сегодняшних хозяев.

Бойцы и офицеры Красной армии хотели освободить родную землю и своих близких. Палачи из НКВД вешали, расстреливали, ссылали в Сибирь всех, кого Красная армия «освобождала». Так подвиги прокладывали путь преступлениям. Герой становился орудием в руках палача. Знамя, пробитое пулями и обагренное честной кровью, было опозорено подлостью. Так было, так есть и так будет, пока сталинская диктатура сковывает силу и волю нашего народа.

Гремят орудия, рвутся вперед танки, самозабвенно гибнут тысячи русских людей. А за ними в штабных машинах в догорающие села и города врываются палачи, сытые и холеные, готовые хватать и пытать в наскоро оборудованных для этого застенках. Красноармейцы, знают ли они, покрытые пороховым дымом, что творится у них за спиной? Думают ли об этом, опьяненные боем, рвущиеся вперед, забывая, что подвиг только тогда полноценен, когда служит достижению благородного идеала. Грабеж и месть женщинам и детям, мечты о рабах для уральских заводов и о расправе с «врагами народа», — разве это путь воинской чести и славы?

Да, ныне наш народ велик, как и всегда. По обе стороны фронта миллионы наших сограждан живут и дышат одним — помочь Родине, спасти Россию. Но по ту сторону фронта продолжает действовать кровавая чекистская мясорубка, перемалывающая все порывы и подвиги в скользкую мешанину преступлений. Только те, кто свободны от сталинского террора и воодушевлены светлыми идеями Пражского Манифеста, — свободны от проклятия, превращающего свет в тьму, добро в зло, жертву в подлость. И потому эти люди смело глядят вперед, непоколебимо уверенные в своей правоте. Они знают, что только свержение большевистской диктатуры сможет спасти народы России.

Только падение сталинской тирании превратит наши народы из «пугала для Европы» в подлинных знаменосцев нового воскресения европейского духа и культуры. Что бы ни пришлось перенести — наш священный долг освободить Россию от наваждения и кошмара палачей и изуверов, использующих лучшее, что есть в народе, для достижения своих омерзительных целей. Да не будет осквернена слава России подлостью и зверством большевиков!

Дм. Рудин

К сведению научных работников

В целях наиболее рационального использования в работах Комитета Освобождения Народов России и его Научного Совета научных работников, находящихся в Германии и принадлежащих к народам России, Научный Совет просит всех научных работников сообщить о себе по адресу: «фельдпост № 67295, Научному Совету» следующие данные: 1. фамилия, имя и отчество; 2. год рождения; 3. национальность; 4. подданство; 5. семейное положение и количество лиц, находящихся в данный момент на иждивении; 6. специальность; 7. ученое звание и степень; 8. печатные труды и изобретения; 9. стаж: краткое перечисление мест работ и должностей; 10. адрес и место службы в настоящее время.

Председатель Научного Совета
проф. д-р М. Москвитинов

Бороться с этой опасностью он рассчитывает двумя путями. Первый путь—это физическое уничтожение кадров Освободительного Движения и сочувствующих им. Так как и тех и других по обе стороны фронта миллионы, Сталин рассчитывает, что работы НКВД хватит на новую пятилетку. Второй путь — это опора на новый, выдвинутый войной, ведущий слой. Зная, что, как бы ни кончилась война, народ от него ничего не получит, Сталин заранее ориентируется не на народ, а на сравнительно узкий ведущий слой гвардейского офицерства и командиров производства и транспорта. Их он подкупит орденами, пайками и окладами, им он постарался бы после войны обеспечить привилегированное положение в стране, как героям и организаторам победы.

Но то, что знает Сталин, знаем и мы. Идеи Освободительного Движения скорее дойдут до сердец тех, кто сегодня проливает кровь в частях Красной армии, кладет силы на оборонных заводах, чем дешевый подкуп со стороны прогнившей сталинской власти. Дойдут уже потому, что мы не противопоставляем этот социальный и политический слой народу, а обращаемся к нему от имени народа, который, в подавляющей массе, настроен против Сталина. Кроме того, представители руководства Красной армии и советской промышленности знают, что пока жив Сталин и действует его палаческая система, никто из них не застрахован от ареста и гибели.

Это, в свою очередь, восстанавливает против Кремля тех, кого большевистские вожаки думают подкупить.

Из всего сказанного можно сделать тот вывод, что успехи Красной армии на фронте ни в коей мере не означают неуспеха нашей борьбы с большевизмом. Исторически большевизм обречен. Наше дело на каждом новом этапе борьбы с ним — находить наиболее действенные средства этой борьбы. Сохраняя и укрепляя свои кадры, пресекая попытку большевиков распылить и затем уничтожить наши силы, мы победим. Мы победим, сплотившись воедино, находя поддержку большинства населения СССР, сохраняя верность нашему Манифесту и руководителю Освободительного Движения генералу Власову.

Р. Ардатов

Генерал-ефрейтор

(Памяти соратника)

Степенной походкой, прямой и стройный, идет солдат. Из-под походного убора видны седины волос, серебром светятся на худом лице коротко подстриженные усы. На рукаве угол ефрейтора. Один из бесчисленных ефрейторов многоязычной и многоплеменной армии, борющейся за освобождение своего народа от большевистского ярма.

Он не в штабе, или обозе, он в строю. Так сам захотел, сам напросился седоусый ефрейтор.

В прошлом — генерал российской армии. Свой чин он получил в прошлую войну на полях Галиции за беспримерную храбрость и пролитую им свою кровь. Всегда был строг, с достоинством. Был строг, но справедлив к подчиненным; еще строже к себе.

17-й год все перевернул. Началось для него [illegible]. Сердце подсказывало, что не видит родина ни добра, ни счастья в руках вождей коммунизма. И он пошел за Корниловым, за Россию, за свободу. Честно и прямо, по-солдатски, отдал себя тому делу, которое, верил он, даст счастье России.

Рядовой в офицерской роте. Потом ряд трудных и ответственных, но невидных и неблагодарных задач.

После катастрофы, один, в потрепанной солдатской шинели, с котомкой за плечами и без гроша за душой, на далекой чужбине.

Помог случай да добрые люди: получил работу.

20 лет за гроши скромно и честно работал, как 30 лет до этого скромно и безупречно служил своей Родине. Всегда аккуратный, исполнительный, добросовестный, он вызывал невольное уважение к себе даже у иностранцев, привыкших (к сожалению, не без основания) не всегда уважать многочисленных генералов эмиграции.

Когда пришел долго им жданный час борьбы за народ, не было у него ни сомнений, ни раздумья. Просто и отчетливо пришел и стал в строй. Так понимал он свой долг.

Стал рядовым. Потом ефрейтором. И не роптал. Своим честным солдатским сердцем понимал он, что прошло 25 лет, и что много воды утекло, много изменилось за эти четверть века.

[illegible]

Как заботливый отец, радостно делился он своими воспоминаниями и с начальством, часто годившимся ему во внуки, опытом своей боевой жизни, воспитывал их, учил их быть достойными имени российского солдата, [illegible]...

Час испытания пришел. Окруженный противником, уже второй день отбивается небольшой отряд. Боеприпасы на исходе. Надежды на помощь нет. Больше половины отряда уже спит вечным сном.

Уцелели только двое: ефрейтор и его начальник — [illegible] паренек — унтер-офицер, [illegible] «воспитатель». А кругом уже со всех сторон слышатся ругань, угрозы. Посмотрел ефрейтор вокруг... Неторопливо, твердыми сухими пальцами, вырвал шнур [illegible] гранаты.

Еще раз оглядел поле, улыбнулся, и поцеловали друг друга.

«Да здравствует Россия!» — громко, по-военному крикнули в темноту. Короткий звук, глухой взрыв и все стихло.

Так умер генерал-ефрейтор.

На могиле его нет ни креста, ни цветов, ни надгробного камня. Только куча щебня от взорванного бункера да искалеченные трупы, разбросанные вокруг.

*

Пройдут годы, уляжется взбаламученное море; многое покажется ненужным и лишним. Переоценятся многие ценности. Но вечными останутся те высокие взлеты человеческой души, которые народ наш выказал в этой страшной борьбе. Вечными останутся генерал-ефрейтор и народ, его родивший.

А. [illegible]

Сила единения

Сразу после опубликования Манифеста в Комитет пришло письмо. Простые, от глубины сердца идущие слова рабочего: «Хочу помочь родному делу чем могу». И в письме — деньги. Немного, но от скудного заработка больше, чем мог дать. Затем еще и еще посыпались письма от бойцов-фронтовиков, военнопленных, рабочих, интеллигенции — всё простые, честные, краткие, искренние слова — «...не хотим быть в стороне, хотим участвовать в общем деле, хотим помочь тем, кому трудно живется»... И опять деньги. По нескольку марок отдельно и сообщения о переводе тысяч марок, собранных коллективом лагеря. Все больше и больше, со всех сторон деньги, посылки, подарки. Из нескольких первых марок стали десятки, теперь — сотни тысяч!

Сливаются отдельные капли в мощный поток!

Разве это не лучшее доказательство возникшего чувства единения?!

Манифест 14-го ноября возродил веру в светлое будущее России. Жизнь ее народов, вдруг, опять приобрела смысл и содержание; явилась цель, ради которой стоит жить и стоит умереть!

И не удивительно тогда, что стихийно проявляется народная воля активно участвовать в борьбе за свое будущее, помочь друг другу всеми силами, кто чем горазд — в достижении теперь поставленной, своей, заветной цели!

Этому желанию соответствует создание при Комитете Освобождения Народов России организации «Народная Помощь», недавно начавшей свою деятельность. Инициатива этой организации, как и всех начинаний Комитета, идет из недр народных. Комитет, по существу, призван быть лишь исполнителем народной воли, возглавить общее дело, придать ему соответствующую форму.

Как соты необходимы пчелам для собирания меда, так и организация «Народная Помощь» Комитета должна лишь объединять и направить в соответствующее русло поток пожертвований. Она должна далее заботиться о том, чтобы были созданы возможности для реальной помощи тем, кто в первую очередь в ней нуждается.

Если мы за это короткое время смогли выдать пособия многим многодетным семьям и неимущим, смогли помочь матерям и начать устройство детских садов, домов, приютов для стариков и инвалидов, если мы нашли возможность на Рождество уже раздать нашим ребятам подарки, если наши бойцы на фронте смогли получить хоть немного праздничных гостинцев, если мы смогли порадовать в лазаретах раненых и военнопленных, или скрасить Рождественской ёлкой серую лагерную жизнь, — то этим мы, в первую очередь, обязаны отзывчивости и помощи наших соотечественников, находящихся здесь, на чужбине!

В этом и кроется глубокий смысл и сила истинного народного единства; истинного, действительного содружества!

Один за всех и все за одного!

Тяжела и безрадостна жизнь многих наших соотечественников, волею судьбы временно оторванных от родных мест; много горечи и обиды принесло им это трудное, военное время. Много пришлось потерять, многое пережить. Всем им нужна наша моральная помощь и поддержка. Поэтому вспомним слова Некрасова: — «Где трудно дышится, где горе слышится — будь первый там!»

Это призыв и для нас! Для всех, кто не хочет оставаться в стороне от своего народа. Для тех, кто, независимо от своего социального положения, чувствует себя неотъемлемой частицей целого. Ведь мы теперь не можем, не смеем думать только о себе, идти своею собственной дорожкой, заботиться только о себе. Особенно теперь, когда весь смысл нашей жизни в единстве нашей общей борьбы и цели.

Кто сейчас находит возможным жить только для себя, тот живет не для народа, а за счет народа! С такими «отщепенцами» нам не по пути! Сегодня мы все должны знать, что ждать да выжидать дольше нечего, что настало время действовать!

Дайте им осознать силу единения!

Кто столько пережил, сколько переносили народы нашей Родины, тот, кто ценою крови, ценою двадцатипятилетней каторги, купил себе право на жизнь, — тот знает, что теперь надо делать, чтобы его опять не потерять.

Теперь или никогда!

Но он знает также, что один — в поле не воин! Только в единении, в содружестве, во взаимопомощи — сила! Только сознание, что у нас теперь есть общая цель, что мы теперь судьбою сплочены в одну большую семью, что у нас у всех одно горе и одна радость, — даст нам силы в нашей священной борьбе!

Мы теперь взяли на себя ответственность за судьбу России на многие поколения вперед! Мы взяли ее на себя в полном сознании своего долга перед нашей многострадальной Родиной! Мы должны принести и свою жертву на алтарь Отечества! Это долг не одного — это долг всех!

Только взявшись все за руки, только слившись в один мощный поток, не знающий преград, не знающий слов назад и стой — который нельзя остановить, как нельзя остановить Волгу — на очищенной этой силой почве нашей дорогой Отчизны, — мы создадим Россию нашей мечты!

Г. А. Алексеев,
Член КОНР'а и руководитель орг. «Народная Помощь».

Народная Помощь

См. №№ 7 и 8 «Воля Народа»

За период с 1 по 20 января поступили пожертвования в фонд «Народная Помощь» от следующих лиц и организаций: Татьяны Старосельской — 10 м.; Нины Пальковской — 20 м.; работников Централе Верапитетте (Клетгендорф) — 700 м. Ольга Филиппова (13 лет) из Обеpальбен — 40 м.; работников противовоздушной полиции г. Нордгаузена — 1550 м.; рабочих лагеря «Меркур» фирмы К. Рейх из Целле — 630 м.; Андрея Шипова из Бегинтале и его жены — 100 м.; рабочих фирмы Эккарат из Герофельд (по инициативе М. Пархоменко) — 923 м.; рабочих Фельдбаугейтхага АГК из Бреславля — 1380 м.; русской патриотки из Кемпена — 50 м.; эвакуированных украинцев и белоруссов, работающих на фирме Кемпа в Тюре — 360 м.; эвакуированных немцев колонистов Криворожского и Одесского районов — 125 м.; украинских рабочих из Старгарда-Померау — 125 м.; украинских полицейских из Питтерфельда — 738 м.; украинских железнодорожников дорожного отделения Гамбургской железной дороги — 215 м.; рабочих и служащих фирмы «Эрбауэр» — 3487 м. 50 пф.; Клары Н. из Левен — 30 м.; В. Гаккена — 22 м.; команды украинской добровольной полиции из Дрездена — 300 м.; механика Арама Сардарова — 300 м.; рабочих Зидтальверк из Лейтенау — 428 м.; Алексея Приймака из Митлерер-Ландвег — 150 м.; Сергея Андреева из Гриммен — 100 м.; художника Георгия Колотова — 100 м.; Н. Васленского — 100 м.; рабочих лагеря Бордер из Бремена — 1363 м.; рабочих лагеря Хамберк из Бремена — 3937 м.; украинских работников противовоздушной полиции лагеря «Норд» из Магдебурга от офицеров и унтер-офицеров — 107 м., от 1-й роты — 115 м., от 2-й роты — 142 м., от 3-й роты — 315 м.; работников фирмы Альфред Паульсен из Оттерндорфа — 485 м.; рабочих из лагеря № 48 Бриздс — 988 м.; рабочих из лагеря Кальхагель из Обрневица — 250 м.

Продолжение следует

Обострение сербского кризиса

По последним сведениям из Лондона и нейтральных источников, сербский кризис продолжает обостряться. Министр-президент сербского эмигрантского правительства в Лондоне Субашич отклонил требование короля Петра подать в отставку и распустить кабинет. В среду состоялось новое заседание кабинета Субашича. По сообщению английского телеграфного агентства «Рейтер», Петр, якобы выступил с новыми предложениями, в надежде достигнуть компромиссного соглашения со своим непокорным министр-президентом. Несмотря на известные уступки, Петр все же потребовал исполнения своего приказа о роспуске правительства. На это со стороны кабинета снова последовал отказ.

Лондонская печать резко осуждает поведение Петра. «Дейли Уоркер» говорит, что Петр потерял последние шансы, вообще, когда-либо вернуться в Белград. Милана Гроля, намеченного Петром на пост нового главы сербского эмигрантского правительства, газета называет «махровым реакционером», с которым Тито, повидимому, не пожелает вести переговоров. В то же время Тито ведет переговоры с Субашичем, не обращая внимания на планы Петра.

Находящиеся в Лондоне сербские организации в общей декларации требуют признания королем кабинета Субашича и возвращения главы правительства в Белград для проведения в жизнь соглашения с Тито. Лондонские сербские эмигранты обвиняют Петра в «антидемократическом подходе к событиям».

Сербские добровольцы

Уничтожен Танненбергский памятник

По сообщению Германского Верховного Командования, советским войскам, после тяжелых боев, удалось ворваться в города Алленштейн и Гогенштейн. Дабы германский национальный памятник в Танненберге не попал в руки большевиков, он был взорван немецкими войсками. Прах генерал-фельдмаршала Гинденбурга и его супруги, а также знамена вошедших в историю прусских полков, перевезены в надежное место. Таким образом большевики, там, где еще недавно возвышался памятник нашли груду развалин. После освобождения этого района Восточной Пруссии от неприятельских сил, Танненбергский памятник на старом месте будет воздвигнут заново.

Ожесточенные бои на Филиппинах

Японский военный министр фельдмаршал Сугияма выступил с речью о боях в Тихом океане. Министр подчеркнул стойкое сопротивление японских частей, нанесших противнику тяжелые потери.

По сообщению с острова Люсон, на Филиппинах американцы в гористой части провинции Пангазинен попрежнему не в состоянии прорвать сильные японские позиции к северу от Манаоага. На этом участке неприятель располагает двумя пехотными и одной танковой дивизиями.

Небольшие неприятельские соединения произвели новые высадки в Лингаэнском заливе. По последним сведениям, противник ежедневно перебрасывает в этот район новые силы.

Американский налет на Суматру

Из Токио сообщают, что американская авиация совершила налет на район Палембанга на острове Суматра. Из 120-ти самолетов противника в воздушных боях сбито 78 машин.

Новые угрозы Финляндии

По сообщениям из Стокгольма, над Финляндией со стороны Советского Союза нависла новая серьезная угроза. Судя по всем признакам, большевики в ближайшем будущем решили еще более активно вмешаться во внутренние дела Финляндии.

Несколько дней назад московская «Правда» в официальном отчете о выполнении Финляндией условий перемирия упрекнула финское правительство в том, что гельсингфорсские власти не всех «виновников войны передают в распоряжение судебных учреждений».

После этих выпадов «Правды» против финских национальных кругов, с аналогичным обвинением выступила непосредственно советская контрольная комиссия. Как сообщает представитель английского телеграфного агентства Рейтер из Москвы, политический советник контрольной комиссии, бывший полпред в Гельсингфорсе, Павел Орлов, заявил представителям англо-американской печати, что «общественное мнение Финляндии требует ареста поджигателей войны. Если эти круги и впредь будут принимать участие в руководстве страной,—подчеркнул Орлов,—Советский Союз будет иметь все основания относиться к Финляндии с недоверием».

В связи с предстоящими выборами в финский парламент, открытые большевистские угрозы заслуживают особого внимания. Сталин и его подручные накануне выборов решили произвести в Финляндии основательную чистку и обезглавить отдельные национальные политические группировки. Цель Москвы ясна: убрать национально-мыслящих деятелей и, тем самым, еще шире открыть двери для проникновения в государственный аппарат Финляндии своих агентов.

По сообщению из Петрозаводска, столицы советской Карелии, туда прибывают из Финляндии фабрично-заводское оборудование и различные предметы культурного обихода, сдаваемые финнами, согласно условиям перемирия. До сих пор в Петрозаводск прибыли 180 груженых железнодорожных вагонов.

С 1-го января финское правительство понизило мясной рацион, бывший и до сих пор незначительным, на половину. Втечение января разрешено купить на одного человека мяса лишь на 20 финских марок (т. е. на одну германскую марку). Это равносильно почти полному прекращению выдачи мяса. Нечего и говорить о той ненависти, которой горит финский народ по отношению к советским оккупантам.

Антверпенский порт—груда развалин

Английские моряки, недавно побывавшие в Лиссабоне, рассказывают, что антверпенский порт превращен в груду развалин. Эти разрушения вызваны уничтожающей силой германского оружия возмездия. Жертвой немецких снарядов стали также несколько сот находившихся в порту судов. В настоящее время антверпенский порт пригоден для нужд судоходства лишь в самом незначительном объеме.

По словам английских моряков, экипажи многих пароходов отказывались от рейдов в Антверпен, так как никто не знает, какая судьба его постигнет в этом порту.

Ввиду невозможности бороться с германским оружием возмездия, англо-американцы безуспешно ломают себе головы над проблемой эксплоатации антверпенской гавани.

Сражение в северной Бирме

В северо-бирманском районе, как сообщают из Токио, началось уж давно ожидавшееся большое сражение.

Англо-индусские войска, силами в пять дивизий, проникли в равнину Ировади. В настоящий момент идут ожесточенные бои на протяжении, приблизительно, 180-ти километров. Фронт проходит в ста километрах к северо-западу от Мандалаи. Английское командование ввело в бой все свои моторизованные дивизии, поддерживаемые бомбовозами, истребителями и воздушными десантными отрядами.

По сообщению из Токио, японцы сражаются до последней капли крови за каждую деревню, каждый перекресток или стратегический пункт. Несмотря на численное превосходство англо-индусских войск, они пока не добились каких-либо решающих успехов.

Новые бои вспыхнули также в районе бирманской дороги, в особенности в китайской пограничной области. В середине января на этом участке появились сравнительно крупные американские силы, которые, совместно с частями Чан-Кай-Ши, производят давление на стратегически важный город Вантинг у бирманской дороги. В Токио опровергают все англо-американские сообщения о занятии этого города и, наоборот, подчеркивают, что вантингский гарнизон увеличил свои силы и оказывает противнику стойкое сопротивление.

Меньшее значение имеют бои в районе Намкана. Находящиеся здесь японские части сражаются против объединенных сил американских и китайских подразделений. И на этом фронте японцы оказывают неприятелю героическое сопротивление.

С блокнотом по Кремлю

Пять столетий строился московский Кремль. И когда созерцаешь это огромное нагромождение веков в камне, железе и дереве, — воспринимаешь его, как величественную симфонию, в которой время причудливо слило воедино и стремительные, светлые взлеты и потрясающие падения русского государства.

События властно довлели над творческим вдохновением зодчих: как бы ни был праздничен наряд кремлевских строений, все же в их сиреневых, лазоревых и коричневых тонах преобладают сумеречные трагические аккорды. Время бунтов царствования первых Романовых, а еще раньше — самозванщина, смрадный вихрь дней Ивана Грозного навсегда набросили на Кремль отсвет пламени и чернеющей крови. И кажется, что и сейчас под тяжелыми низкими арками Боровицких ворот маячат тени Васьки Грязного, Басманова и лютого Вяземского с седой бородой поверх золоченой пышной одежды, а между временщиками Грозного снуют в деловой поспешности . . . Дзержинский, Менжинский, Ягода, Ежов и поправляет Берия пенсне, сбитое по небрежности дюжим верзилой Малютой . . . И кажется, что древние кремлевские стены испускают приглушенные стенания, в которых предсмертные выкрики заглушаются рыком какого-то страшного зверя.

Москвич сторонится Кремля. Когда бы вы ни шли мимо кремлевских стен, вы всегда ощущаете непонятную тревогу и невольно убыстряете шаг: вам чудится тяжелый пристальный взгляд незримого зверя. Вы боитесь — как бы вас не заметили и в чем-либо не заподозрили, не выделили и не выхватили из толпы. Однажды мне пришлось вместе с проф. Суховым проходить по Красной площади. Профессор увлекательно рассказывал о своих исторических изысканиях в Кремле. Вдруг он опасливо посмотрел в сторону мавзолея и сконфуженно предложил свернуть на Ильинку.

— Неудобно, знаете, ходить здесь на виду . . . еще что-нибудь подумают.

Свыше тридцати лет проф. Сухов проводил реставрационные работы в кремлевских зданиях, бережно, как это умеют делать только ученые, очищал памятники отдаленного прошлого от нахального напластования последних лет. В 1935 году профессору отказали в пропуске в Кремль. И теперь он с болью и тоской созерцал кремлевские строения издали, терзаемый страхом, что кто-то его заметит, в чем-то заподозрит, и — прощай, Москва! За историческими памятниками «наблюдают» бравые молодцы с пистолетами в кармане. Вход науке в Кремль запрещен. Ценнейший, неповторимый исторический музей превращен в вооруженную цитадель большевистской клики. История, как дряхлая старушка, выброшена за Спасские ворота вместе с милым, седовласым профессором!

Москвич сторонится Кремля. И Кремль не желает видеть москвича, свободно разгуливающим среди памятников прошлого Руси. Кремль отгородился от Москвы пулеметами, установленными на стенах, вместо сброшенных на землю пищалей. На каждые 20—30 метров стоит красноармеец. И, главное, Кремль спрятался от Москвы за пропуск, получить который не легче, чем, положим, «привязать луну за морскую волну».

Судьба все же уготовала пишущему эти строки получать кусочки картона с тисненой печатью и затейливым цветным узором по тексту (чтобы не подделали) — пропуска на сессии Верховного Совета СССР. С чувством непонятного беспокойства я предъявлял эти кусочки картона у Боровицких ворот, что выходят на Маросейку. У ворот — военные, одеты во все новенькое, блестящее, выутюженное и поскрипывающее, разговаривают с холодной вежливостью и легкой снисходительностью. Они неторопливо просматривают пропуск и паспорт, колющим взглядом сличают лицо с фотографией на паспорте, внимательно изучают штамп прописки и обязательно заглядывают на листки «особых отметок». И так повторяется пять-семь раз, пока обладатель пропуска не дойдет до своего места в Кремлевском дворце, и, измученный, не сядет в указанное кресло. С особенно повышенным интересом изучается паспорт, как будто бы вы имеете дело с завзятыми библиофилами, в руки которых передали неизвестное доселе первопечатное издание с личными пометками Ивана Федорова. И в минуты этих просмотров вас не покидает робость и страх, как бы чего не нашли в паспорте эти чистенькие и гладенькие стражи. Чорт знает, что тогда будет; мало ли бывало случаев, когда люди исчезали из-за чернильной кляксы в документе или же описки пьяного милицейского чиновника.

Боровицкие ворота пройдены. Внутренность Кремля пустынна. Неестественно яркая зелень крутого спуска к стене, граничащей с набережной Москва-реки. Дремотный покой сковывает приземистые башенки. Но этот покой и пустынность обманчивы. Всмотревшись, вы увидите на башенке вооруженного солдата. И если вы ступите с тротуара в сторону или на секунду остановитесь, ослепленные чарующей панорамой родной столицы, разбежавшейся улицами и площадями от Кремлевского холма, к вам бесшумно подойдет неизвестно откуда вышедший, безукоризненно одетый штатский, просмотрит ваш пропуск и с повелительной вежливостью укажет дальнейший путь следования. Как-то раз, в знойный августовский день, переходя маленькую пустынную площадку перед боковым фасадом дворца, я услышал сзади торопливое приказание: «вернитесь»! Я не обернулся на возглас. Растерялся. Мимо меня, выйдя из бокового входа дворца, медленно шествовало, тяжело ступая, грузное, усатое чудище с огромным портфелем в лапе. Поверх белого кителя был наброшен серый макинтош. Полы макинтоша мягко бились о голенища добротных, старательно вычищенных солдатских сапог.

Это был Сталин!

Несколько позже я наблюдал Сталина за трапезой. Он сидел в Георгиевском зале, в окружении своих приближенных, за огромным, декорированным цветами, столом, заставленным яствами и питием. За его спиной возвышалась эстрада, откуда лучшие театральные силы страны услаждали слух и взоры приглашенных гостей пением и пляской. Сталин, выставив живот, откинулся в сторону эстрады и подал престарелому народному артисту бокал вина. Старик смущенно принял питие и подобострастно поклонился. По обрюзглому желтому лицу Сталина пробежало подобие улыбки.

Большевистские заправилы, в своем бредовом увлечении всякого рода реконструкциями, изуродовали и Кремлевский дворец — устроили в нем огромный безобразный казарменный зал — место сборищ Верховного Совета и партсъездов. Здесь демонстрировались все архитектурные стили. У стен — колонны, а с потолка нестерпимо вонзаются в глаза люстры в виде геометрических фигур из жести. Из ниши стены, что за президиумом, Ленин угрожает сидящим в зале выкинутой вперед рукой. На его лице, если смотреть издали, расплылась ироническая улыбка. Партер для депутатов, балкон, расположенный от президиума, примерно, в 100 метрах, предназначен для гостей. Стометровое пространство выбрано неслучайно. На такое расстояние не пролетит граната и будет вне цели любая револьверная пуля.

На уровне балкона, с левой и правой стороны — ложи советской и иностранной прессы. Передаваемый молодыми «архангелами» в штатском с рук на руки, я, наконец, добрался до ложи советской журналистики, рассчитанной на 30—40 человек.

Советская журналистика представлена на сессиях всегда одними и теми же лицами: по 2—3 человека от ТАСС, «Правды» и «Известий» и редакторы больших отраслевых газет. Минут за десять до открытия заседания все уже в сборе. Сидит, насупившись, моржеобразный, не написавший за всю жизнь ни одного слова, редактор «Известий» Селих, невероятный трус, не осмеливающийся дать в свою газету, без согласования с Ц. К. ни одной строчки, даже о засолке огурцов, или же выпуске модных галстуков. Рядом с ним распластал свои грузные телеса пропахший потом руководитель ТАСС Кавинсон, прославленный подхалим, снимающий головной убор за несколько десятков метров до любого правительственного учреждения и заискивающий перед каждой уборщицей Совнаркома. «Правда» представлена Рыклиным, Бротманом, Крэном, всегда важно надутыми, без стеснения занимающими места представителей отраслевых газет. Последние, из понятных соображений, уступают свои места «правдистам» без боя.

В руках журналистов — блокноты. Но за несколько дней заседаний в них, кроме небрежных рисунков, набросанных от скуки, ничего не появляется. Зачем утруждать себя лишними заботами об отчетах? Для этого в редакциях обретаются безымянные волы, которые, получив стенограмму, состряпают нужное в десять минут. Авторы отчетов на сессиях, конечно, не присутствуют. Какая в этом нужда?! Установлен единый стандарт, который неизменно начинается так: «Вчера в Кремлевском дворце состоялось» и т. д. Если в отчете есть «аплодисменты, переходящие в овацию», «овация, сопровождаемая горячими выкриками: «Да здравствует любимый . . » и: « . . . при появлении товарища Сталина в ложе весь зал встает» . . ., — то такой отчет будет оплачен повышенным гонораром.

В. К.

(Продолжение следует)

Ответственный редактор генерал лейтенант
Г. Н. ЖИЛЕНКОВ
Заместитель ответственного редактора
А. КАЗАНЦЕВ

Wolja Naroda Verlag GmbH Berlin C 2 Magazinstr. 15-16
Hauptschriftleiter Generalleutnant Georgij S h i l e n k o w.
Druck Wendt & Matthes G m b H Berlin C 2. Zur Zeit Anzeigenpreisliste Nr 8 v 26 August 1941 gültig RPK 1.1002